

<https://doi.org/10.5281/zenodo.4769190>

УДК 347

Фонин Р.А.

Фонин Роман Алексеевич, Образовательное частное учреждение высшего образования «Международный юридический институт», Россия, 127427, г. Москва, ул. Кашёнкин луг, 4. E-mail: foninroman@mail.ru.

К вопросу об истоках современной дефиниции и правовой сущности сделки в гражданском праве

Аннотация: Сделка как важнейший из механизмов регулирования имущественных и неимущественных прав в гражданско-правовых отношениях традиционно занимает центральное место в научных дискуссиях и юридической практике. Это обусловлено как глубокой исторической основой сделок, так и теми дискуссионными аспектами, которые по-прежнему интересуют исследователей-правоведов. В данной статье автором предпринята попытка проследить трансформацию теоретических положений относительно дефиниции, правовой природы и сущности института сделки, начиная с основ древнеримского права и рецепиированного европейского, заканчивая современной отечественной цивилистикой.

Ключевые слова: сделка, гражданское право, гражданское правоотношение, воля сторон, волеизъявление, правомерное действие.

Fonin R.A.

Fonin Roman Alekseevich, Educational Private Institution of Higher Education «International Legal Institute», Russia, 127427, Moscow, Kashenkin meadow, 4. E-mail: foninroman@mail.ru.

To the question of the origins of the modern definition and the legal substance of a transaction in civil law

Abstract: As the most important mechanism for regulating property and non-property rights in civil relations, the transaction has traditionally been central to academic discourse and jurisprudence. This is due both to the deep historical background of transactions and to the discussion aspects that remain of interest to legal researchers. In this article, the author attempts to trace the transformation of theoretical provisions concerning the definition, the legal nature and the essence of the institution of a transaction, starting from the foundations of ancient Roman law and a recessed European law, to modern domestic civilization.

Key words: case, civil law, civil law, will of the parties, expression of will, lawful action.

Как известно, значительная часть институтов современного гражданского права и явлений, с ним связанных, восходят своими многовековыми корнями к истории римского права и потому имеют достаточно наработанную теоретико-прикладную характеристику. Не стали исключением и гражданско-правовые сделки, получившие именно в

эпоху античного Рима мощнейшие предпосылки для своего весьма прогрессивного развития. Следует подчеркнуть, что в сравнении с иными составными элементами частного (цивильного) права степень осмысленности сделок была на значительный порядок выше. Как указывает в своем исследовании Е.В. Косычева, даже в XIX веке в кодексах гражданского права Евро-

пы (в первую очередь, очевидно, имеются в виду Германия и Франция) не упомянуто ни единого вида сделок, который не был бы известен римскому праву [4, с. 92].

Активно развивающиеся товарно-денежные отношения в Древнем Риме предопределили востребованность сделки как рационального механизма регулирования отношений между субъектами по целому ряду договорных и обязательственных правоотношений. В них виделись те необходимые условия, которые были призваны обеспечить максимальную скорость и эффективность хозяйственных действий, в первую очередь, по обороту вещей и услуг. Не подлежит сомнению, что для римских торговцев в условиях расположения Рима на пересечении всех основных морских и сухопутных торговых путей это было неременным условием рационального развития и непрерывного экономического роста. Заинтересовано в этом было и само государство. Очевидно, что практика применения сделок была так широка, что, как показала Е.В. Пермякова, их конструкция окончательно сложилась в период правления императора Адриана во II в. н.э. (период принципата) [6, с. 176].

Тем не менее, было бы неправильным полагать, что римским правом уже тогда, на заре правовой цивилизации, было также ловко все определено с дефиницией частнопредварительной сделки. По мнению, Д.А. Столярова, современное гражданско-правовое определение юридической сделки по своему практическому осмыслению, действительно, восходит к временам Римской империи, когда она «стала пониматься в качестве некоего частнопредварительного акта, рождавшего или изменявшего правоотношения между субъектами права» [8, с. 237]. Однако из этого отнюдь не следует, что теоретическая модель сделки в эпоху античности уже была сформировавшейся и устоявшейся. Как нам кажется, некоторые трудности с четкостью определения сделок интуитивно ощущали и сами древнеримские правоведы. Это предположение вполне подтверждается их позицией, воспроизведенной в Дигестах Юстиниана VI

века, согласно которой «...в гражданском праве любое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» (*Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim ut non subverti posset* – Д.50.17.202).

Еще более категоричным в этом вопросе представляется вывод Е.В. Косычевой. По ее мнению, единое понятие «сделки» римскому праву «было совершенно чуждо» [4, с. 92]. Л.Л. Чантурия, в целом, придерживается схожей позиции, указывая, что полноценное и законченное теоретико-правовое обоснование сделки будет оформлено лишь в германской пандектной системе XVIII-XIX вв. [9, с. 56]. Компрометирует ли каким-либо образом подобное умозаключение римско-правовую науку? Думается, что нет. Ведь глубина теоретической проработки римскими юристами конструкции сделки была лишь в той степени, которая удовлетворяла требованиям общего доктринального знания. Иными словами, римская экономическая модель нуждалась в отточенных практических механизмах сделки более, чем в устоявшейся книжной формулировке, стабильность которой, к тому же, вызывала большие закономерные сомнения.

Что же касалось правовой природы и существенных характеристик сделки, то их римская юридическая наука смогла отразить самым тщательным образом. Сделки своим функциональным действием скрепляли правоотношения субъектов обязательствами, словно взаимными узами, и это бесспорно, являлось наиболее значимым результатом развития договорной практики, плодами которой воспользовались в рецептированном праве последующие европейские цивилизации. Эти обязательства были предопределены наличием активных действий со стороны субъектов, причем именно таких действий, которые были следствием выражения обоюдной воли. Не случайно, те сделки, в которых воля субъекта никак не была выражена, в римском праве таковыми не признавались. При этом, по мнению Д.А. Столярова, между истинной волей, волеизъявлением и

действием должно было быть полное совпадение [8, с. 238].

Содержательные подходы к гражданско-правовой сделке, характерные для римской юриспруденции, нашли свое воплощение не только в теоретических трактатах юристов Нового времени, но и в кодифицированных гражданских законах. Так, в Прусском уложении 1794 г. термин «сделка» отсутствовал; не обнаруживаемы его и в первых гражданских кодексах Франции и Австрии. Однако эти акты содержат вполне адекватное синонимичное словосочетание «выражение воли» и «волеизъявление», предметом которых могут выступать как вещи, так и действия. Подобные нормативные закрепления, очевидно, явились результатом доктринальных учений ряда германских юристов начала XIX века, в том числе, профессора Геттингенского университета Г.А. Хайзе. В своем труде «Общие учения» (1807 г.) он использует термин *Rechtsgeschäft*, буквально переводимое как «правовое дело», что по смыслу соответствует понятию «сделка». Следует отметить, что подобные подходы цивилистикой будут развиты в дальнейшем и, по сути, лягут в основу оценок сделки с точки зрения правомерности действия, актуальные и для современной гражданско-правовой теории.

Законодательное закрепление сделок в современных гражданских кодексах берет свое начало с Германского гражданского уложения 1896 г. Здесь, признаемся, хотя и не было дано дефиниции сделки, но целая глава Общей части была всецело посвящена ей. Как ни покажется странным, первая легальная дефиниция появилась на четверть века раньше – в Гражданском уложении Саксонии 1863 г. Тогда это явилось закономерным итогом теоретических разработок Ф.К. Савиньи и Э. Цительмана, впервые употребивших термин «сделка» в современном смысловом значении.

Хочется резюмировать, что вся предшествующая история формирования понятия «сделка» последовательно наполняла его содержанием, в центре которого находится действие. Отражено оно и в ее

законодательном закреплении в Гражданском кодексе РФ. Так, согласно ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1]. Фактически, здесь идет речь о гражданском правоотношении, которое детерминировано сделкой как юридическим фактом, причем фактом-действием, т.е. имеющим полностью субъективную природу своего происхождения. Следует подчеркнуть, что сделки в соответствии с российским гражданским законодательством являются самым частым и распространенным основанием для возникновения правоотношений. Ст. 8 ГК РФ выдвигает договоры и иные сделки, предусмотренные законом, на первое место среди всего перечня оснований возникновения гражданских прав и обязанностей [1].

Определение сделки, единожды обрета нормативное закрепление в ч. 1 ГК РФ в 1994 г., считается устоявшимся и более не подвергалось каким-либо изменениям. Не затронул данного аспекта и пакет поправок в ГК РФ, которые вступили в силу с 1 июня 2018 г. В то же время, отметим, что авторы Концепции обновления российского гражданского законодательства предусматривали тогда внесение существенных поправок в Главу 9 ГК РФ, в особенности – в фундаментальные понятийные категории, связанные со сделками.

Что же побудило разработчиков соответствующих изменений затронуть дефинитивную нормы сделки? Не секрет, что попыткам изменить норму ст. 153 ГК РФ предшествовали многочисленные дискуссии. В следствие того, что проектам подобных изменений было не суждено увидеть свет, дискуссии не исчерпали своей актуальности и сегодня. Дело в том, что определение сделки, являясь весьма широким, позволяет де-юре причислить к сделкам большой круг явлений, начиная от договоров и завещаний и заканчивая отказами от иска, а также регистрацией или расторжением брака. Действительно, даже акты гражданского состояния, как указы-

вают критики, порождают, видоизменяют или прекращают гражданские права и обязанности [7, с. 67]. Можно привести пример создание научного труда или регистрации патента на полезную модель или изобретение. В обоих случаях имеет место правомерное волевое действие, направленное на создание объекта интеллектуальной собственности и, соответственно, порождающее субъективные права и юридические обязанности, но не имеющее ничего общего с гражданско-правовой сделкой.

Как видим, подобное расширительное толкование сделки позволяет считать таковой те действия, которые лишь формально имеют ее признаки, но по своему содержанию ею являться не могут или несут в себе явно сомнительные сделочные признаки. Разумеется, в плоскости этой нестыковки, очевидно, и должна будет развернуться в обозримом будущем законодательная корректировка. Она должна сузить понятие сделки и исключить его произвольное распространение на иные правовые явления, сделками не являющиеся. В противном случае, двусмысленность в дефиниции сделки и далее будет сопровождаться теоретическим каламбуром и сложностями в правоприменении и юридической практике.

Думается, что в данном вопросе следует двигаться, опираясь на ключевые разновидности сделок – двусторонние (многосторонние) договоры и односторонние сделки. К тому же, эти категории учтены в ст. 154 ГК РФ. В этой ситуации становится еще более непонятно, почему при наличии требуемой конкретизации дефинитивная норма ст. 153 ГК РФ выглядит такой странной и потому туманной. Возможно, нормы этих двух статей для внесения окончательной ясности нуждаются в объединении. Это не только поставило бы точку в многолетних дискуссиях, но и поддержало бы преемственность положений римского права, классифицируя сделки подобным же образом.

Отметим, однако, что указанная проблема – центральная, но отнюдь не единственная в исследуемой области. Имеется

еще ряд частных дискуссионных вопросов, неоднозначно решаемых в юридической науке и практике. Например, подвергается вполне обоснованному сомнению тезис о том, что в результате сделки возникают лишь гражданские правоотношения. Действительно, сделки сопровождают и иные правоотношения (например, трудовые и семейные). Классическими примерами здесь могут служить соответственно трудовые контракты и брачные договоры. Естественно, они регулируются нормами другого отраслевого законодательства.

Не оспаривая позицию о том, что действие в сделке является объективной категорией, представители научных кругов серьезно дискутируют относительно его правомерности. Развернутый и подробный анализ позиций по этому вопросу недавно представил в своем исследовании Т.Т. Нуршев [5]. С одной стороны, если исходить исключительно из правомерности действия сделки, становится непонятно, зачем законодатель закрепил в ст. 166 ГК РФ оспоримые и ничтожные сделки как категории недействительных сделок. В п. 3 ст. 167 ГК РФ за оспоримой сделкой, по сути, признается юридическое значение, поскольку судом она может быть признана недействительной только в будущем. Из этого следует, что сделка может быть результатом и неправомерных действий (причем как физических, так и юридических лиц).

С другой стороны, допустимо ли вообще причислять к сделкам такие действия, которые носят недействительный характер? Ведь их содержание противоречит правовым принципам, нарушает волевою составляющую одной или даже обеих сторон. С этой точки зрения сделка априори должна носить правомерный характер; недействительные же сделки в силу их неправомерности не могут считаться сделками в принципе. Н.Л. Колчанова по этому поводу категорично утверждает, например, что по этой причине недействительных сделок вообще быть не может [3, с. 37]. В.Г. Голышев еще более категоричен в своих выводах. По его мнению, недействи-

тельная сделка представляет собой правонарушение [2, с. 10]. Мотивационным аргументом у данного исследователя выступает позиция, согласно которой основным критерием сделки выступает ее правомерность. В случае ее отсутствия в сделке следует говорить о нарушении субъективного права, а, следовательно, и о правонарушениях признаках. Причем даже в тех случаях, когда действия субъектов начинали складываться как сделка.

Подобные взгляды весьма удачно коррелируются и с римским правовым опытом. Ведь сделки (договоры) и правонарушения (деликты) в римском праве выступали как оборотные стороны одной медали – обязательственных правоотношений. Не случайно римскими цивилистами противопоставлялись действия, несущие субъекту хозяйственно-экономическую пользу, и те, от которых следует воздержаться в виду их вредоносности личного или имущественного характера и, соответственно, наступления юридической ответственности. И в том, и в другом случае последствия этих юридических фактов представляли собой необходимость выполнения обязательств. Именно поэтому и действия рассматривались там с позиции правомерности: совершить что-либо в соответствии с взаимной волей или совершить что-либо вопреки воли субъекта (следовательно, противоправное деяние – деликт).

С точки зрения современного гражданского права, конечно, следует прокомментировать сюжет по поводу воли субъектов, реализуемой в сделке. Не подлежит сомнению, что сделка всегда представляет собой действие, несущее в своей основе волевой акт. Однако, во-первых, следует учитывать, что субъектом сделки выступает и юридическое лицо, а оно, что логично, самостоятельно выражать волю не способно. Кроме того, одной воли недостаточно в реализации сделочных действий. Важно, чтобы внутренняя воля, понимаемая как желание лица, сопровождалась внешним выражением – свободным волеизъявлением. Именно последний сегмент не только отражает наличие факта свободы выбора,

но и указывает на правомерный характер такого действия. Тем более, что воля и волеизъявление составляют единый процесс, поскольку следуют друг за другом.

В то же время, нельзя не признать, что сделка даже с учетом наличия в ней признаков воли и волеизъявления, может в итоге и не быть направленной на возникновение правоотношения или на иные формы его развития. Так происходит в случае с мнимыми и притворными сделками (ст. 170 ГК РФ), которые по понятным причинам не могут породить ни правоотношений, ни правовых последствий. Парадокс состоит в том, что если подобного рода сделки не будут судом признаны в качестве таковых, то они формально являются правовыми. Все эти нюансы, в свою очередь, вновь указывают на необходимость совершенствования дефиниции сделки в ст. 153 Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, обязанные своим современным состоянием римскому правовому опыту и последующей многовековой рецепции дефиниция сделки и ее правовое содержание могут быть сведены к следующим характеристикам:

1) Сделка – это всегда волевой акт, реализуемый в активных действиях субъектов и сопровождающийся свободным волеизъявлением.

2) В основе сделки лежат правомерные действия, поскольку в противном случае их недействительность исключает их сделочную природу и по своему правовому режиму приближает к правонарушению.

3) Сделка направлена на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Однако, как выяснилось в результате рассмотрения проблемы, правоотношения могут не возникнуть и не претерпеть никаких изменений вовсе, или, наоборот, участвовать в оформлении иных правоотношений, регулируемых нормами других отраслей права.

4) Тем не менее, сделка порождает в первую очередь, гражданские отношения, поскольку именно нормами гражданского права регулируются правовые послед-

ствия, наступающие по факту совершения сделки.

Как видим, спорные и дискуссионные положения относительно дефиниции и правовой сущности сделки в гражданском праве имеют под собой вполне обоснованную аргументацию. Она апеллирует к ее сложной юридической природе, мотивированной той значимой ролью сделки, которую она выполняет в имущественном обороте любого общества, особенно современной формации. В этой ситуации видится необходимость продолжения поиска универсального определения сделки за счет перенесения акцентов с действий

граждан гражданско-правового характера на процедурные формы ее совершения, предусмотренные законом. При этом, видимо, придется окончательно развенчать положение об исключительности сделок в теории и практике гражданско-правовой науки. Накопленный опыт продемонстрировал востребованность и пригодность теории сделок в иных отраслях права, поэтому, несомненно, он должен повлечь за собой появление как новых доктринальных установок, так и законодательных изменений в существующие гражданские нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 09.03.2021 г. № 33-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301; 2021. - № 11. - Ст. 1698.
2. Голышев В.Г. К вопросу о соотношении категорий «правонарушение» и «недействительная сделка» в гражданском праве РФ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2014. - № 1. - С. 8-17.
3. Колчанова Н.Л. Правовая природа недействительных сделок в гражданском праве // Альманах правовой науки. - 2016. - № 5-3 (8). - С. 37-41.
4. Косычева Е.В. Гражданско-правовые сделки: генезис, сущность, значение // Вестник Российского университета кооперации. Сер.: Юридические науки. - 2015. - № 2 (20). - С. 92-95.
5. Нурушев Т.Т. Понятие и виды сделок в гражданском праве Российской Федерации // Инновации. Наука. Образование. - 2020. - № 3. - С. 1158-1162.
6. Пермякова Е.В. Конструкции действительности и недействительности сделок в классической юриспруденции Западного Рима // Актуальные проблемы эволюции цивилистических учений в Европе и России XIX-XX вв.: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2016. - С. 173-182.
7. Симатова Е.Л., Шаповал О.В. Некоторые проблемы применения термина «сделка» в современном гражданском праве // Юрист-правовед. - 2015. - № 3 (70). - С. 66-69.
8. Столяров Д.А. Проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве (от римского правового опыта к современной цивилистике) // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции: Матер. Всеросс. межвуз. науч.-практ. конф. (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). М.: Международный юридический институт, 2017. - С. 235-244.
9. Чантурия Л.Л. Сделка и волеизъявление в гражданском праве // Юрист. - 2006.-№3(57).-С.54-61

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Grazhdanskij kodeks RF (chast' pervaja) ot 30 nojabrja 1994 g. № 51-FZ (v red. ot 09.03.2021 g. № 33-FZ) // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 1994. - № 32. - St. 3301; 2021. - № 11. - St. 1698.
2. Golyshev V.G. K voprosu o sootnoshenii kategorij «pravonarushenie» i «nedejstvitel'naja sdelka» v grazhdanskom prave RF // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jurisprudencija. - 2014. - № 1. - S. 8-17.
3. Kolchanova N.L. Pravovaja priroda nedejstvitel'nyh sdelok v grazhdanskom prave // Al'manah pravovoj nauki. - 2016. - № 5-3 (8). - S. 37-41.

4. Kosycheva E.V. Grazhdansko-pravovye sdelki: genesis, sushhnost', znachenie // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. Ser.: Juridicheskie nauki. - 2015. - № 2 (20). - S. 92-95.
5. Nurushev T.T. Ponjatie i vidy sdelok v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. - 2020. - № 3. - S. 1158-1162.
6. Permjakova E.V. Konstrukcii dejstvitel'nosti i nedejstvitel'nosti sdelok v klassi-cheskoj jurisprudencii Zapadnogo Rima // Aktual'nye problemy jevoljucii civilisti-cheskih uchenij v Evrope i Rossii XIX-XX vv.: Mater. mezhvuz. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2016. - S. 173-182.
7. Simatova E.L., Shapoval O.V. Nekotorye problemy primeneniya termina «sdelka» v sovremennom grazhdanskom prave // Jurist-pravoved. - 2015. - № 3 (70). - S. 66-69.
8. Stoljarov D.A. Problemy razgranichenija nichtozhnyh i osporimyh sdelok v grazhdanskom prave (ot rimskogo pravovogo opyta k sovremennoj civilistike) // Aktual'nye teoreticheskie i prakticheskie voprosy razvitija jurisprudencii: Mater. Vseross. mezhvuz. nauch.-prakt. konf.(dlja studentov, magistrantov, aspirantov, prepodavatelej, specialistov).M.:Mezhdunarodnyj juridicheskij institut,2017.-S.235-244
9. Chanturija L.L. Sdelka i voleizjavlenie v grazhdanskom prave // Jurist. - 2006.-№3 (57).-S.54-61

Поступила в редакцию 13.04.2021.
Принята к публикации 17.04.2021.

Для цитирования:

Фонин Р.А. К вопросу об истоках современной дефиниции и правовой сущности сделки в гражданском праве // Гуманитарный научный вестник. 2021. №4. С. 186-192 URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/04/Fonin.pdf>